

История философии
Том 2. Философия XV-XVIII вв

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
И90

И90 История философии: Том 2. Философия XV-XVIII вв / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 472 с.

ISBN 978-5-458-23883-0

Данные работы представляют тома планировавшейся к печати семитомной «Истории философии». Том I посвящен философии античного и феодального общества, том II посвящен философии периода первоначального накопления капитала и буржуазных революций (XV XVIII вв.); том III философии периода победы и утверждения капитализма (первая половина XIX века); том IV философии марксизма; том V истории философии народов СССР; том VI современной буржуазной философии и том VII развитию философии марксизма Лениным и Сталиным

ISBN 978-5-458-23883-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лизма постепенно развивался капиталистический способ производства.

Подавляющая часть непосредственных производителей, понекому подчинявшихся капиталу, еще сохраняла феодальное обличье самостоятельных мелких хозяев или цеховых подмастерьев и учеников.

Подмастерья и раньше получали заработную плату, но лишь в течение нескольких лет, до перехода в мастера. Их трансформация в наемных рабочих выражалась в превращении временного состояния в постоянное. Подмастерье был типичной фигурой на централизованной мануфактуре. Он принес в ряды мануфактурного пролетариата свои приемы организации и борьбы. Но централизованные мануфактуры никогда не были массовым явлением. Маркс называет их «экономическим кунштюком», украшавшим хозяйственное здание Западной Европы, но не служившим его действительным основанием. Более массовый характер носила рассеянная мануфактура — в виде ли городского ремесла, подпавшего под власть воротил-купцов и богатых мастеров, в виде ли деревенского кустарничества. Здесь производители, ремесленники и кустари еще дольше сохраняли не соответствовавший их действительному положению внешний облик мелких самостоятельных хозяев.

Товарно-денежные связи, служившие необходимой предпосылкой капитализма, в XV в. уже пронизывали всю жизнь Европы, но они сохраняли еще докапиталистическое содержание. Основным полем деятельности *торгового капитала* была мировая торговля, где он мог получать прибыль, не выходя из сферы обращения, путем посредничества, используя разницу в уровне и характере экономического развития различных народов и стран. Европейские купцы использовали таким образом через средиземноморский бассейн глубокое различие социально-культурного развития Европы и стран Востока, через северобалтийский бассейн — различие исторических путей Западной и Восточной Европы. Естественно, что торговый капитал был заинтересован скорее в сохранении, чем в уничтожении феодального строя в Европе, хотя невольно разлагал его.

Тем более не мог создать что-либо новое *ростовщический капитал*. Пользуясь тем, что феодальное хозяйство приобрело уже денежную окраску, он присваивал себе в виде процента по ссудам часть феодального прибавочного продукта, присасываясь и к непосредственным производителям и к феодалам.

Торговый и ростовщический капитал был капиталом лишь по форме, был накопленными деньгами, приносящими прибыль. Но такой капитал не был непосредственно связан с производством, следовательно, и с производством прибавочной стоимости. Примером может служить торговобанкирский дом Фуггеров в Германии, по имени которого буржуазные историки иногда называют XVI век «веком Фуггеров».

Второй тип товарно-денежных связей, известный феодальному средневековью, отнюдь не был чужд производству, но зато по самому своему назначению и организации был чужд прибыли и накоплению. Это — товарообмен между непосредственными производителями города и деревни, функция которого заключалась в превращении крестьянского прибавочного продукта, отчуждаемого феодалу, в денежную форму. Если законом деятельности торгового капитала был неэквивалентный обмен, то законом этого товарообмена, напротив, был обмен эквивалентный, обмен по «справедливым ценам», твердо фиксированным и неизменным, сохранять которые были призваны рыночное право и цеховая структура средневекового города. Этот товарообмен по самому своему принципу должен был только превращать натуральную форму прибавочного продукта в денежную, но не служить к обогащению третьих лиц. Правда, по мере эмансипации городов из-под власти феодалов в фонде городской ремесленной продукции образовывался некоторый резерв для возможного накопления. Но обоим типам докапиталистических товарно-денежных связей было нелегко соединиться воедино, т. е. стать капиталистическим товарным производством. Такой барьер, как цеховой строй, преодолевался с большим трудом: либо путем его медленного внутреннего перерождения, путем развития межцеховой и внутрицеховой дифференциации, либо путем ожесточенных натисков купцов на цеховые рогатки, либо, чаще всего, обходным путем, путем появления капитализма вне городов с их цеховыми организациями — в деревенских промыслах и горном деле. Весь феодальный строй был в одно и то же время и препятствием для развития капитализма и той средой, соками которой питался младенческий капитализм.

Так называемая «революция цен» — стремительный рост в XVI—XVII вв. рыночных цен, остававшихся до того неизменными в течение веков, — была только проявлением того факта, что в это время происходила всеобщая передвижка экономических сил, ломка всего характера экономической жизни Европы. Современникам, естественно, бросалась в глаза именно эта внешняя, рыночная сторона дела.

Экономический сдвиг был связан с потребностью в большей массе средств обращения; их недостаток тормозил механизм, которым этот сдвиг должен был осуществиться. Вскоре нашлись средства устранить это затруднение. В то время как тысячи людей занимались алхимией, кладоискательством и волшебством, другие отправлялись в далекие путешествия в поисках золотой страны Эльдорадо. Письма участников великих путешествий и сообщения их современников полны не столько помышлениями о новых торговых путях, сколько мечтой о золоте. Вскоре золото и серебро действительно полились в Европу широкой рекой из африканских колоний португальцев и американских колоний испанцев.

«Рамки старого Orbis terrarum были разбиты; только теперь,

собственно, была открыта земля и положены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся, в свою очередь, исходным пунктом современной крупной промышленности»¹.

«Революция цен» была внешним проявлением ряда глубоких событий социально-экономической жизни того времени: падения феодальной земельной ренты, неуклонного сокращения заработной платы всех живущих продажей своего труда и одновременно возрастания промышленной прибыли. Буржуазия крепла за счет земельных сеньеров. Последние отчасти находили выход в перестройке внутренних порядков своих поместий: либо перевода наследственных держателей на краткосрочную аренду, либо возвращая их к натуральным повинностям, так что крестьянство почти не смогло воспользоваться благами «революции цен». Но сама эта перестройка уже свидетельствовала о критическом состоянии феодального строя.

Значение открытия Америки, морского пути в Индию, установления прямых связей европейцев со всеми частями мира, однако, далеко не исчерпывалось притоком дополнительного денежного материала.

«Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало новое поприще для растущей буржуазии. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества орудий обращения и вообще товаров дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем значительно ускорили развитие революционного элемента в разлагавшемся феодальном обществе»².

Торговля европейцев приобретала всюду, где было возможно, весьма односторонний характер, превращалась в простой грабеж и колониальное хищничество. «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал»³. Для того чтобы капитализм мог утвердиться в европейской части земного шара, необходимо было здесь сконцентрировать в виде начального капитала колоссальные массы накопленного человеческого труда. Этой цели и послужило ограбление многих народов.

В Европе же сами феодалы производили в это время ограбление своих крестьян с помощью огораживаний и стога их с земли. Ограбление это также было жизненно необходимым условием для утверждения капитализма. Одно накопление капиталов в Европе не было бы достаточным условием для развития капитализма, если бы оно не сопровождалось «накоплением» неимущих масс, лишенных средств существования. Таковы две неразрывные стороны единого процесса

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

² Там же, т. V, стр. 484.

³ Там же, т. XVII, стр. 824.

так называемого первоначального накопления. Образование неимущих масс также осуществляется прямым и голым насилием. Оно начинается с насильственного отрыва масс мелких производителей от условий их существования, в частности с захвата крупными феодальными землевладельцами крестьянской земли. Когда эти массы людей, лишенные средств существования, выбрасывались на улицу и становились бродягами, нищими, разбойниками, на них обрушивались насилия, названные Марксом «кровавым законодательством против экспроприированных»; цель этого законодательства — насильственно загнать пауперов под ярмо капиталистической эксплуатации и «...приучить к дисциплине наемного труда плетью, клеймами, пытками»¹.

Результатом первоначального накопления было создание не только непосредственных предпосылок для массового распространения капиталистического производства, но тем самым и основного условия капиталистического воспроизводства — внутреннего рынка.

Широкие, но поверхностные мировые сношения, которые были характерны для великих цивилизаций прошлого, с XV в. рушились и обрывались, наталкиваясь на воздвигнутые по Европе и Западной Азии стены национально-государственных границ. Эти стены возводились исподволь уже давно, вместе с формированием и усилением феодальных государств, на почве укрепления внутренних экономических связей и обострения классовой борьбы. Но до XV в. государственные границы еще не занимали первенствующего положения. Существовавшие наряду с ними другие грани — религиозные, сословные, корпоративные — казались более важными. Различные народы, объединенные более архаическими формами общественных связей, мировыми религиями, долгое время противостояли национально-государственным объединениям. Во второй половине XV в. во многих странах почти одновременно произошел перелом, выразившийся политически в установлении абсолютизма. Усиление внутренней мощи каждого феодального государства было в то же время его внешним обособлением от других государств.

В эту эпоху «королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество»².

Начало абсолютизма датируется в Англии воцарением династии Тюдоров (1485), во Франции — царствованием Людовика XI (1461—1483), в Испании — объединением Кастилии и Арагонии под властью Изабеллы и Фердинанда (1479), в России — царствованием Ивана III (1462—1505). В то же самое время образуется мощное

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 806.

² Там же, т. XIV, стр. 475.

Турецкое государство во главе с султаном Мохамедом II (1451—1481). Венгрия превращается в сильную европейскую державу в царствование Матвея Корвина (1458—1490) и т. д. Даже в раздробленной Германии к последним десятилетиям XV в., в царствование Фридриха III и Максимилиана I, относятся попытки реформ в направлении национального объединения и усиления императорской власти. В Италии же, где не было даже подобия центральной власти, в те же последние десятилетия XV в. устанавливаются маленькие местные абсолютистские государства: правление дома Медичи во Флоренции, Сфорца в Милане и др.

Это не случайные хронологические совпадения. Государственное размежевание явилось внешней формой выражения того процесса, внутренним содержанием которого было развитие капитализма в некоторых из перечисленных стран. Едва лишь зарождаясь, капитализм уже оказывал всемирно-историческое воздействие и на те народы, которые сами еще не вступили на капиталистический путь.

Появление абсолютизма одновременно во многих странах и формирование новой политической карты западного мира представляли единый, внутренне связанный процесс. Но если на Востоке он проявился как распад гигантской монгольской державы, пережившей расцвет еще в начале XV в., при Тамерлане, то на Западе этот процесс привел к появлению национальных государств нового типа. До мира 1453 г., окончившего Столетнюю войну, не было завершено национальное и государственное размежевание Франции и Англии. В том же 1453 г. под ударами турецких завоеваний перестала, наконец, существовать Византийская империя — обломок Римской империи, уничтоженный было крестоносцами, но с 1261 г. возродившийся к жизни. В течение нескольких веков в самом центре Европы — между Францией и Германией — боролось за существование крупное и богатое Бургундское государство, и только битва при Нанси в 1477 г. решила его судьбу: его земли были поделены между Францией и Германией; северный осколок Бургундского государства, Нидерланды, впоследствии превратился в Голландию и Бельгию. Такое же коренное размежевание происходило в это время повсюду в Европе.

Товарные и денежные потоки наталкивались теперь в некоторой своей части на новые стены, разделяющие государства. Торговый и ростовщический капитал принужден был усиленно искать поле деятельности внутри этих стран.

Обогащение буржуазии путем кредитования феодально-абсолютистских государств и откупа у них права на сбор налогов, а также протекционистская политика этих государств принадлежат к существенным элементам первоначального накопления. Процессы, происходившие в самом феодальном обществе и государстве, предопределяли возможность первоначального накопления. «...Рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь

благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими»¹.

По мере изменения юридического положения крестьян и освобождения городов из-под власти сеньеров отдельные феодальные сеньеры все менее были способны присваивать в виде феодальной ренты весь производимый в стране прибавочный продукт. Весь свободный остаток должен был присваивать собирательный сеньер — феодальное государство — в виде собирательной феодальной ренты — налогов. Эта централизованная рента не только шла на нужды двора и государства, но и в значительной части возвращалась в карманы дворянства в виде пенсий, подарков, пожалований. На тот же свободный остаток прибавочного продукта претендовала и буржуазия, которая упорно стремилась к концентрации его в своих руках. Это соперничество приводило, однако, к своеобразному симбиозу дворянского государства и буржуазии.

С одной стороны, сбор централизованной ренты при величайшей еще децентрализованности всей внутренней жизни европейских стран был настолько затруднителен, а потребность в расходовании налогов настолько обгоняла их поступление, что государства не могли обходиться без кредита. Этот кредит могли дать те представители буржуазии, которые сумели уже кое-что накопить путем торговли и промышленной деятельности. Они превращались в ростовщиков, ссужая свои капиталы государству и получая за это немалую часть централизованной ренты то как простые займодавцы, то как откупщики налогов, то в некоторых странах, например, во Франции, в более скрытой форме — как собственники судебных и прочих должностей, за которые они уплачивали государству значительные деньги, получая возможность сторицей вознаградить себя путем легализованных поборов с населения.

С другой стороны, государства сами были заинтересованы в накоплении капиталов в руках буржуазии за счет внешней торговли и грабежа. Абсолютистские государства проводили с этой целью политику меркантилизма, покровительствовали внешней торговле и промышленности. Это отнюдь не было сознательным покровительством капитализму, созданием необходимых для него условий в виде внутреннего рынка и свободной конкуренции. Напротив, покровительство осуществлялось путем приобщения отдельных представителей буржуазии к сословным привилегиям. Раздавались или продавались торгово-промышленные монополии иногда вместе с дворянскими титулами; привилегированным предприятиям и компаниям присваивалось право выступать в той или иной мере от имени государства и пользоваться его поддержкой.

От симбиоза привилегированной верхушки буржуазии с феодально-абсолютистским строем происходило расслоение нарождающе-

---

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 783.

гося класса буржуазии. С одной стороны, кропотливо и упорно производили накопление на феодальной почве сельские и городские дельцы, зажиточные крестьяне, кустари и ремесленники, мелкие купцы и мануфактуристы — широкий слой людей, все еще очень близкий к народу. Среди этих людей развивался дух скопидомства, мелочного самоограничения, бережливости, культ мешанских добродетелей. Но стоило кому-нибудь из них, несмотря на все трудности, добиться сколько-нибудь значительного накопления, как он резко порывал с выдвинувшим его классом. Пробиваясь в ряды дворянства и духовенства, присоединяясь к монопольным и привилегированным предприятиям, помещая деньги в государственные займы и налоговые откупа, втягиваясь в авантюры, спекуляции, биржевую игру, формировались рыцари первоначального накопления. Пороги королевских дворцов в Англии, Франции, Испании XVI—XVII вв. обивали «проектанты», или «прожектеры», предлагавшие все новые планы фискальных мероприятий или колониально-торговых авантур, которые обогатили бы государство, а заодно и автора проекта. Иными словами, верхушечная часть буржуазии богатела и крепла по мере того, как отрывалась от своего класса и вращалась в феодально-абсолютистский строй. Само абсолютистское государство могло возвышаться над дворянским обществом (хотя, в сущности, было выразителем и защитником его интересов) лишь потому, что оно опиралось на эту буржуазию.

Таков был процесс вызревания буржуазии в недрах феодализма.

И все же в течение XVI—XVIII вв. в различных странах в разном темпе и с разной степенью остроты развивался антагонизм между буржуазией и феодально-абсолютистским строем, приводивший рано или поздно к буржуазным революциям. Симбиоз превращался в борьбу, по мере того как буржуазия крепла и созревала. Созревание буржуазии происходило, главным образом, путем вытеснения рыцарей первоначального накопления дельцами хозяйственной предприимчивости. Сложившаяся уже форма буржуазной собственности наполнялась теперь адекватным содержанием. Одновременно с этим созреванием «нормального» капитализма шло и возрастание appetitов дворянского государства.

В этот переходный период всемирной истории два противоположных мотива определяли поведение европейской буржуазии: противоречие с феодально-абсолютистским строем и органическая связь с ним; иными словами, потребность размежеваться с дворянским обществом и государством и антагонистические противоречия с интересами народных масс.

В то время как народные массы выражали свой растущий протест против феодальной эксплуатации стихийными восстаниями и революционными «еретическими» движениями, буржуазия свои классовые интересы выражала прежде всего в новой культуре, противоположной культуре средневековья.

Переворот в сфере идеологии был наиболее непосредственно связан с новыми материальными условиями жизни в области техники, в области практических знаний, применяемых в процессе производства. Настоящая техническая революция потрясла в последние десятилетия XV в. ведущие отрасли производства. Ее основные элементы — внедрение самопрялки, педального ткацкого станка, наливного мельничного колеса, доменного металлургического процесса, печатного станка, компаса, широкое применение пороха. Разумеется, технический прогресс продолжался и после XV в., но он ограничивался тем, что накапливались и систематизировались новые производственные навыки и приемы, вносились усовершенствования, возрастала сумма практических знаний.

Дерзания, отражавшие непримиримую противоположность буржуазных отношений всему феодальному миру, переносились все более в область идеологической деятельности, в том числе в область науки, где совершалась величайшая революция, ломавшая всю унаследованную от средневековья систему идей. К великим деятелям Ренессанса вполне приложимы слова Ленина о тех раннебуржуазных просветителях, которые «...совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который выростал из крепостного»¹. Они «...были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными»². Но тех из участников великого научного движения, которые пытались подобно Бруно и Галилею донести новые знания до масс, а тем более подобно Сервету связать их с народными движениями, ждала печальная судьба. На них обрушивалась не только инквизиция: Сервета отправил на костер такой идеолог тогдашней буржуазии, как Кальвин.

Другая сфера, куда устремлялась революционность нового буржуазного мира, — искусство, литература. Именно переворот в этой сфере преимущественно обозначается терминами «Возрождение» (Ренессанс) и «гуманизм».

Гуманизм впервые появился в Италии в XIV в. вместе с первыми ростками капиталистического производства. В раннюю пору гуманисты решались писать на национальном языке, участвовали в политических битвах своего времени и не гнушались вопросами прикладного знания. Но уже начало XVI в. было переломным для большинства из них, хотя в некоторых проявлениях демократические тенденции давали себя чувствовать и позже. На фоне экономического упадка Италии и торжества феодальной реакции большинство гуманистов XVI в. ограничивается преимущественно искусством, филологией, историей. Здесь они создали бессмертные произведения и в области идеологии противопоставили средневековью нечто радикально новое.

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 315.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

Ранний гуманизм использовал два источника, одинаково несовместимых с церковной средневековой культурой: народное творчество и античную культуру. Оба они легли в основу культуры гуманизма, и преобладание того или другого начала дает возможность различить две струи в этой культуре. Но преобладание начала народного творчества было редким исключением. Этот источник использовался лишь очень осторожно и чем дальше, тем меньше. Как бы противостоял против приобретения новой культурой слишком народного характера служило насыщение ее античной традицией. Разумеется, эта традиция давала богатейший материал и широко раздвинула умственные горизонты европейцев. Культурный прогресс человечества, как бы прерванный средневековьем, начинался теперь с восстановления, возрождения того, что было создано античностью в области наук, философии, искусств.

Форма «возрождения» отделяла «избранных» от народных масс каменной стеной трудно доступной учености. К «гуманизму» можно было приобщиться только свободно владея латынью, древнегреческим и позже древнееврейским языками, зная древних авторов, свободно ориентируясь в античной филологии. Гуманисты возвысились, таким образом, над обществом, образовав замкнутую касту мыслителей и художников, связанных между собой перепиской или объединенных в кружки и академии. Творцы и носители новой буржуазной культуры чуждались народа. Они создавали художественные произведения, способные породить новые чувства и мысли, но предназначали эти произведения церкви и феодальным государям; создавали методы критики исторических источников, вскрывавшие вековую ложь папства, но оставляли эти методы в руках тех же государей и того же папства. Уже народные выступления в Риме в 1347—1354 гг., а особенно восстание чомпи во Флоренции в 1378 г. — первое революционное восстание предпролетариата — дали толчок к решительному отмежеванию «гуманистов» от «черни» и ее опасных «бунтов». Однако такое отмежевание неизбежно должно было привести к сближению гуманистов с тем самым феодальным миром, который они высмеивали, критиковали и преодолевали. Действительно, большинство гуманистов не только пользовалось покровительством меценатов из феодальных сеньеров, государей и высшего духовенства, но и прославляло их в своих произведениях. Двое гуманистов даже оказались на папском престоле — так легко преодолима была на практике грань между ними и господствующим классом.

Приспособление культуры Возрождения к существующему строю подчас приводило к ее опустошению, к превращению ее в своеобразную феодально-рыцарскую культуру. В особенности это сказалось во французском Ренессансе. Французский двор и французское дворянство восприняли внешнюю сторону Ренессанса — пышность архитектуры, богатство декоративной живописи и скульптуры, изящество стиля, соединив это с возрождением рыцарских

правов, турниров и пр. Правда, во французском Ренессансе ясно различимо другое течение, представленное Рабле с его грубовато-народным языком и стилем и резко сатирическим отношением к существующему строю, но это течение отнюдь не задавало тона во французском гуманизме. И в других странах — в Англии, Германии — встречались гуманисты, близкие к народу, к его чаяниям, каков, например, Томас Мор, но и эти гениальные одиночки никогда не доходили до действительных революционных выводов. Безжалостно высмеявший в «Похвальном слове Глупости» все окружающее средневековье Эразм Роттердамский, «властитель дум» своего времени, выражая настроения большинства своих единомышленников, называл народ «многоголовым зверем», боялся, не знал и не любил его.

С гуманизмом была тесно сплетена своими корнями реформация. Некоторые гуманисты, как Ульрих фон Гуттен в Германии, Лефевр д'Этапль во Франции, прямо примкнули к ней. И в то же время реформация была отрицанием гуманизма. Большинство ее вождей относилось к гуманистическому движению враждебно или безразлично.

«Когда Европа вышла из средневековья, городская буржуазия, находившаяся в процессе подъема, была в ней революционным элементом... Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимо с феодальным строем, феодальная система должна была пасть.

Но великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь... Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную, священную организацию...

Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решительных битвах.

Первой было то, что мы называем реформацией в Германии¹.

Если некогда единая католическая Европа противостояла мусульманскому миру и миру православно-византийскому, то теперь, в XVI в., одним европейским государствам противостояли лишь другие государства, и в едином католическом обруче для Европы не было нужды. Напротив, он затруднял бы размежевание и обособление национальных европейских государств. Католическая церковь не мирилась с национально-государственными границами и поддерживала такие реакционные предприятия, как империя Карла V, объединившая на несколько десятилетий Германию, Испанию, Нидерланды, Южную Италию и обширные

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 295—296. Под двумя остальными битвами Энгельс разумеет английскую и французскую буржуазные революции.